

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ КАК ФАКТОР АДЕКВАТНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ

А. И. Лактионова, А. В. Махнач

Социально-психологические проблемы современного общества не могут не отражаться на социальном становлении молодых людей. Неудовлетворение основных потребностей, лежащих в основе индивидуального развития (позитивное социальное окружение, хорошая школа, здоровый образ жизни и полноценное питание, наличие друзей-сверстников и возможность поддерживать отношения со всеми членами семьи, а также с их социальным окружением) [49], приводит к серьезным нарушениям социальной адаптации. В результате оказывается разрушенным основное условие позитивной социализации молодого человека – адекватное профессиональное самоопределение с выбором направления профессионального обучения, соответствующего его интересам и способностям, целенаправленным приобретением профессиональных знаний и опыта, определением спектра приложения профессиональных навыков [9, с. 12].

В связи со всем вышесказанным изучение социально-психологической адаптации юношей и девушек является чрезвычайно актуальным, особенно в контексте их дальнейшего профессионального самоопределения. На развитие их адаптационных способностей значительное влияние оказывает наличие такого качества, как жизнеспособность.

Для начала определим новое для отечественной психологии понятие. Термин «жизнеспособность» (resilience) буквально переводится как гибкость, упругость, эластичность, устойчивость (к внешним воздействиям) и как способность быстро восстанавливать здоровое физическое и душевное состояние. Впервые в отечественной науке термин был употреблен А. А. Богдановым [3] для определения

динамической устойчивости в условиях среды. В дальнейшем это понятие развивалось в тесной связи с кибернетикой, прежде всего в работах Н. Винера и У.Р. Эшби [31], а также в рамках общей теорией систем Л. фон Берталанфи [2]. Понятие «жизнеспособность» используется в биологии: работы И.И. Шмальгаузена [28], в философии – К. Поппера, Э. Дюркгейма [22], О.С. Разумовского, М.Ю. Хазова [20], А.П. Назаретяна [18], в исторической науке – А. Тойнби, А.С. Ахиезера. Например, А. Тойнби считает, что жизнеспособность может быть понята как способность субъекта обеспечить свою выживаемость через самосовершенствование [24]. «Жизнеспособность – категория, близкая к категории „воспроизводство“, т.е. способность субъекта воспроизводить себя, свою культуру, свои отношения вопреки бесконечному потоку опасностей, преодолевая их и отвечая на них соразмерно реальному вызову истории» [1, с. 59]. Оценка связи между технологическим потенциалом общества и качеством выработанных культурой механизмов саморегулирования, а также факты катастрофического развития событий в случаях, когда указанная корреляция нарушается, определяется по мнению А.П. Назаретяна, тремя параметрами: технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и жизнеспособностью социума [18, с. 118].

Проблемой жизнеспособности занимаются педагоги, которые рассматривают формирование жизнеспособности, как части системы воспитания, основанной на педагогике сотрудничества [8]. По И.М. Ильинскому, жизнеспособность – это способность человека (поколения) выжить, не деградируя, в «жестких» и ухудшающихся условиях социальной и природной среды, развиваться и духовно возвыситься, воспроизвести и воспитать потомство, не менее жизнеспособное в биологическом и социальном планах. В социологии при описании потенциалов качества жизни жизнеспособность определяют как одно из этих потенциалов, включающее жизненные шансы (физическое и психическое здоровье, знание, навыки, искусство жить), относя его к внутренним качествам индивида [16]. По мнению К. Муздыбаева, для жизнеспособности человека важен социальный капитал общества, включающий институты, ценности, аттитюды, правила взаимоотношений, которые управляют взаимодействием между людьми и содействуют экономическому и социальному развитию [16]. К таким же выводам приходят и психологи: жизнеспособность индивида улучшают социальные условия, окружающие индивида и влияющие на индивидуальную способность совладать с трудными жизненными ситуациями [45].

Таким образом, термин «жизнеспособность» является междисциплинарным. Несмотря на то, что модели жизнеспособности первоначально были разработаны в технике и в прикладных науках, первые исследователи жизнеспособности опирались при этом на жизнеспособность живых систем. Развивая концепцию гомеостаза, предложенную У. Кенноном в 1932 г., У.Р. Эшби предпринял попытку формализовать понятие жизнеспособности, точнее способности к выживанию, которую У.Р. Эшби понимает как способность системы сохранять свои характеристики в заданных пределах [30]. Жизнеспособность систем стали рассматривать как форму проявления активности и адаптивности системы [20].

В психологии исследовались более частные характеристики, относящиеся с «жизнеспособностью» как частное с целым – совладание с трудными жизненными ситуациями, жизнестойкость. Термин «жизнеспособность» отличается от понятия «совладание с трудными жизненными ситуациями», так как подразумевает не просто преодоление человеком трудностей и возврат к прежнему состоянию, а прогресс, движение через трудности к новому этапу жизни. Таким образом, оно включает в себя два понятия: сопротивление разрушению, т. е. способность индивида защищать свою целостность, когда он испытывает сильное давление и способность строить полноценную жизнь в трудных условиях, что предполагает умение планировать свою жизнь, двигаясь в определенном направлении в течение какого-то времени [4]. Поэтому жизнеспособность является более широким понятием, чем «совладание с трудными жизненными ситуациями», и включает в себя последнее. Следует также различать термины «жизнеспособность» и «жизнестойкость». Жизнестойкость – установка, условно названная «контролем» во многом сходна с понятием «локус контроля» Роттера, и как установка мотивирует к поиску путей влияния на результаты стрессогенных изменений, в отличие от состояния беспомощности и пассивности. «Жизнестойкость» определяется как особый паттерн установок и навыков, позволяющих превратить изменения, происходящие с личностью в ее возможности [43]. Можно сказать, что совладание с трудными ситуациями и жизнестойкость являются составляющими «жизнеспособности» человека.

Важно отметить, что жизнеспособность не является стабильным свойством индивида. Это свойство изменяется в зависимости от вида стресса, его контекста и иных факторов, которые определяются как факторы риска и защитные факторы. Известно, что жизнеспособность может меняться со временем и в разных условиях [41]. С. Ваништендаль считает, что жизнеспособность может находиться в латен-

тном состоянии, но в силу различных событий, происходящих в жизни индивида, его способность сопротивляться разрушению и строить свою жизнь вопреки трудностям может «перейти в активную фазу» и даже усилиться. Результатом такого процесса является позитивное развитие в трудной жизненной ситуации [4].

Исследования жизнеспособности последних двух десятилетий были направлены на теоретическое осмысление этого понятия, большую роль при этом сыграли многочисленные эмпирические данные. Следствием процесса рождения нового понятия является целый ряд определений жизнеспособности. Жизнеспособность определяют как **способность к самостоятельному существованию, развитию и выживанию**. «Жизнеспособность – это способность человека или социальной системы **строить нормальную, полноценную жизнь в трудных условиях**» [4]. М. Унгар определил это понятие как **способность человека управлять ресурсами собственного здоровья и социально приемлемым способом использовать для этого семью, общество и культуру** [49]. Дж. Вальян определяет понятие «жизнеспособность» как **способность к адаптации и устойчивости** [50]. По нашему мнению, жизнеспособность – индивидуальная **способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, в контексте социальных, культурных норм и средовых условий** [14, с. 294].

Е. Вернер и ее сотрудники [51] впервые определили жизнеспособность как свойство индивида, позволяющее ему находить гомеостатический баланс между факторами риска и защитными факторами. Факторы риска и защитные факторы рассматриваются в рамках четырех контекстов. Согласно модели экологических систем Ури Бронфенбреннера [33], экологическая среда развития индивида состоит из 4-х вложенных одна в другую систем – микросистему, мезосистему, экосистему и макросистему. Таким образом, для того, чтобы исследовать жизнеспособность индивида, следует выделить факторы риска и защитные факторы в контексте каждого из вышеперечисленных систем – влияний на молодого человека общества, культуры в целом и его взаимоотношений с семьей и сверстниками [44, с. 385]. Важно осознать при этом, что ни семья, ни социальная среда, ни культура не обозначают какую-то единую, устойчивую систему. Окружающая человека социальная среда, представляющая собой сложный организм уже на момент его рождения, постоянно меняется [11, с. 137]. Понимание этого контекста требует учета и проксимальных (ближних), и дистантных (отдаленных) событий, а также событий, непосредст-

венно влияющих на индивида в конкретной ситуации и в конкретное время [17, с. 36].

К факторам риска при этом относят любое условие или обстоятельство, которое повышает вероятность нарушения адаптации [40]. Не существует исчерпывающего, не вызывающего возражений перечня факторов риска, и они охватывают все вышеперечисленные контексты. Несмотря на то, что одиночные факторы риска имеют ограниченное обуславливающее влияние, множественные риски вызывают кумулятивный эффект.

К защитным факторам (факторам, способствующим жизнеспособности) относятся личностные или ситуативные переменные, которые уменьшают опасность развития у индивида нарушения адаптации. А тех индивидов, которые хорошо адаптируются, несмотря на большую подверженность риску, называют жизнеспособными. «Пробой» в защитных факторах увеличивает риск нарушения адаптации [47].

В. И. Медведев, изучая факторы, в ответ на действие которых развивается процесс адаптации и формируется состояние адаптации, назвал их адаптогенными факторами, разделив на внешние и внутренние факторы [15, с. 55]. Соотнеся внутренние и внешние факторы риска и защитные факторы, мы определили для себя в качестве предмета исследования анализ внешних факторов: **фактор взаимоотношений** (включает характеристики отношений со сверстниками, членами семьи, отношение к родительской заботе, оценку конфликтных/теплых отношений с родителями, сверстниками); **фактор влияния социума** (включает оценку отношения к школе, вариантов досуга, ощущения безопасности в стране, возможности получить образование); **фактор влияния культуры** (включает принятие/отторжение традиций и культуры, в которой молодой человек живет, отношение к молодежным движениям).

При этом, каждый из вышеперечисленных факторов может выступать как в качестве защитного фактора, так и в качестве фактора риска. В тех случаях, когда факторы риска перевешивают защитные факторы, встает вопрос: каким образом первые два фактора наносят вред, вызывая данное нарушение, или не наносят и тогда, речь может идти о компенсации, о которой Л. С. Выготский сказал: «...компенсация есть борьба, и, как всякая борьба она может иметь два полярных исхода – победу и поражение... Если компенсация не удалась – перед нами пониженное, неполноценное, задержанное, искривленное развитие» [5, с. 160].

Сталкиваясь в практической работе с такими случаями «неудавшейся компенсации» специалисты, в каждом конкретном случае, мо-

гут проанализировать, какие факторы для данного индивида являются защитными, а какие – факторами риска.

Таким образом, *цель данного исследования* состоит в изучении средовых факторов жизнеспособности юношей и девушек.

Участники исследования

Участниками исследования стали юноши и девушки (n=233), учащиеся 9–11 классов московских общеобразовательных школ (n=75); студенты первого курса МГППУ (n=47); Всю группу 51,5% составляли девушки, 48,5% – юноши. Средний возраст участников – 16,1. Большинство из них – учащиеся 11-го класса.

Методика

В ходе исследований применялась международная часть теста оценки жизнеспособности детей и молодежи «*Child and Youth Resilience Measure*» (CYRM). Предлагаемая нами методика не является единственной, существуют альтернативные методы измерения жизнеспособности, но ни одна из этих методик, как нам известно, не использовалась российскими психологами и не переводилась на русский язык, поэтому мы не можем говорить о преимуществах и недостатках этих методов. Задача адаптации методики для проведения исследования в России решалась на подготовительном этапе. Для этого привлекались эксперты по изучению адаптации подростков и молодых людей, специалисты в области психологии развития, детской и подростковой психологии, доктора и кандидаты наук. Эксперты проанализировали и обсудили каждый пункт международной части теста CYRM. Они ответили на следующие вопросы: на какой возрастной группе подростков и молодежи нужно проводить исследование и почему; какие вопросы необходимо им задавать; на что следует обратить внимание, чтобы больше узнать об их жизнеспособности; каковы наиболее серьезные проблемы подростков и молодежи в нашей стране; какие способы совладания помогают подросткам и молодежи справиться с проблемами; как привлечь участников, которым этот проект был бы интересен; как должен быть организован процесс сбора данных?

В работе принимала участие группа студентов-первокурсников Московского городского психолого-педагогического университета. Они встречались с экспертами международной группы, которые приезжали в Москву, знакомились с проблематикой изучения этого качества индивида, участвовали в работе семинара по теме «Жизнеспособность подростков и молодежи». Студентам было предложено ответить на вопросы международной части теста. В целях лингвисти-

ческой адаптации теста *CYRM* вопросы были переведены на русский, а затем обратно на английский язык.

Каждый вопрос теста оценивался по пятибалльной ликертовской шкале. Посредством четырех шкал («Черты личности», «Отношения», «Общество», «Культура») были оценены соответствующие четыре области, каждая из которых, по мнению экспертов проекта, характеризует жизнеспособность подростков и молодых людей. Для уточнения и дополнения ответов участников исследования на вопросы теста *CYRM*, более полного изучения их представлений о жизнеспособности, количественные оценки по тесту *CYRM* были дополнены качественными оценками на основе структурированного интервью. Основная направленность структурированного интервью определялась теми же четырьмя областями, характеризующими жизнеспособность молодых людей: черты личности и индивидуальные характеристик; отношения с близкими, сверстниками; общество и государство; культура.

Статистическая обработка данных по тесту *CYRM* проводилась с помощью факторного анализа (метод главных компонент, варимакс-вращение). Использовался исследовательский (эксплораторный) факторный анализ, позволяющий определить, сколько и какие именно психологические конструкторы (факторы) измеряются данным набором переменных. Для сокращения числа факторов применялся критерий Кайзера.

Результаты и их обсуждение

На основании критерия Кайзера (см. таблицу 1) характеристики жизнеспособности группы испытуемых рассматриваются в пространстве пяти факторов: «Взаимоотношения»; «Культура»; «Общество»; «Влияние авторитарной, гиперопекающей семьи»; «Социальные ценности и развитие Я-концепции».

Пригодность имеющихся данных для факторного анализа подтверждается достаточным результатом теста Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) (0,69) и значимым уровнем теста сферичности Бартлетта ($p < 0,001$) (таблица 1), что говорит о применимости факторного анализа к базе данных.

Оценка показателей относительной дисперсии простых факторов (*communalities*) свидетельствует о том, что доля дисперсии в исходных переменных, объясняемая факторным решением, превышает 0,5 практически для всех переменных, большинство переменных имеет долю дисперсии 0,7. Следовательно, ни одна из исходных переменных не подлежит исключению, и на полученных данных может быть проведен факторный анализ по методу главных компонент.

Таблица 1
 Пригодность данных для факторного анализа
 (по тестам КМО и Бартлетта)

Тест Кайзера–Мейера–Олкина		0,69
Тест сферичности Бартлетта	χ^2	1843
	Df	435
	P	0,000

Решение с пятью компонентами (факторами) объясняет 39,5% общей дисперсии. Все переменные имеют высокие нагрузки (0,6 и выше) на компоненту, что подтверждает хорошее качество решения факторного анализа.

Результаты анализа внутренней согласованности (*reliability analysis*) международной части теста *CYRM* свидетельствуют о достаточно высокой внутренней согласованности вопросов теста (α Кронбаха равняется 0,79). Кроме того, на графике собственных значений (рисунок 1) мы видим, что излом линии не наступает после пятого фактора. Таким образом, основным континуумом, описывающим все разнообразие расположения факторов жизнеспособности, является факторное пространство пяти факторов.

Рассмотрим далее содержание каждого из пяти выделенных факторов.

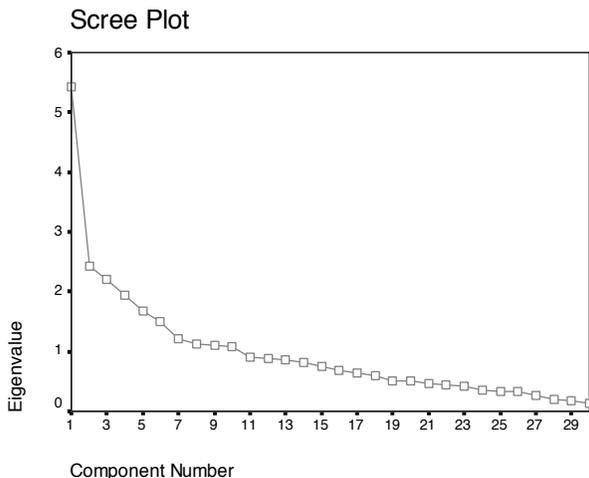


Рис. 1. График собственных значений факторов по тесту *CYRM* (международная часть)

Фактор 1, названный нами «*Взаимоотношения*» (10,64% объясняемой дисперсии) содержит вопросы, формулировки которых отражают роль семейного окружения и отношений со сверстниками в формировании жизнеспособности молодых людей.

Высокая значимость для подростков взаимоотношений представляется закономерным и подтверждается рядом исследований [19, 31], в которых показывается важность семейной ситуации и взаимоотношений со сверстниками. Хорошие отношения с родителями, а в конце отрочества и начале юности и со сверстниками, служат амортизаторами стресса, вызванного жизненными переменами. К защитным факторам, помогающим юношам и девушкам совладать с многочисленными стрессами, относятся знание о том, на что можно рассчитывать, понимание и поддержка семьи и сверстников, а также принятие традиций своей семьи и своего окружения

Д. Баумринд [32] выделила три различных стиля контроля в семье: авторитарный, авторитетный и либеральный. Авторитетные родители соединяют высокую степень контроля с теплотой, принятием и поддержкой растущей автономии своих детей. Ряд исследований [34, 35] показал, что дети, выросшие в семье с авторитетным стилем воспитания, являются жизнеспособными и лучше всего адаптированы в социуме. По сравнению с другими, они более уверены в себе, сами себя контролируют и социально компетентны, со временем у них развивается высокая самооценка [32].

Проблемные, «трудные», так же как и юноши с «комплексами», по мнению Ю. Б. Гиппенрейтер, всегда результат неправильно сложившихся отношений в семье [6]. Негармоничные типы семейного воспитания могут являться фактором, провоцирующим усиление акцентуированного поведения, что в сочетании с особенностями данного возрастного периода может стать причиной аддиктивного поведения [28, с. 296]. Семья должна приспосабливаться к растущей независимости старшеклассников по мере их взросления. Насколько благополучно происходит это взаимоприспособление в большой степени зависит от стиля родительского поведения. По мере ослабления зависимости молодых людей от семьи, возрастает их зависимость от сверстников. Общение с ровесниками, эмоциональная поддержка, которую они при этом получают, очень важна для развития социальных навыков (вопросы: «Думаешь ли ты, что твои друзья всегда будут поддерживать тебя в трудных ситуациях?» и «Ты чувствуешь себя в школе своим?»). Социальная компетентность – основная составляющая способности приобретать новых друзей и сохранять старых [36]. При этом фоном, на котором развиваются отношения молодых лю-

дей со сверстниками, являются их отношения с семьей. Их реакция на сверстников опосредуется обычаями и традициями культуры, в которой они выросли. Противоречия во взглядах на мир, которых придерживается семья и сверстники, неизбежно. В этом возрасте молодой человек должен «перейти границу» между этими двумя мировоззрениями, чтобы определить свою собственную идентичность [11, с. 614, 619].

Таким образом, тот факт, что фактор «Взаимоотношения» выходит на первое место, говорит о том, что взаимоотношения (в семье и со сверстниками) являются наиболее значимыми для формирования жизнеспособности для московских юношей и девушек.

Фактор «Культура» (7,749% объясняемой дисперсии) описывает отношение группы молодых людей к влиянию культуры. В этот фактор входят вопросы, касающиеся отношения испытуемых к религиозным верованиям и духовности, наличие авторитетов и близких отношений с членами семьи (что для нашей культуры является нормой), оценки способности решать проблемы без наркотиков и спиртного, так как поиск поддержки в алкоголе и наркотиках – характерная черта молодежной субкультуры.

На первый взгляд, парадоксальным кажется присутствие в этом факторе оппозиции: с одной стороны – позитивные моменты: наличие религиозности, авторитетных людей и близости с членами семьи, которые должны повышать жизнеспособность и социальную адаптированность юношей и девушек; с другой стороны – неспособность решать проблемы без выпивки и алкоголя. Мы предполагаем, что речь в данном факторе идет о наличии зависимости, причем зависимости культурно обусловленной, которая явно не является защитным фактором (вопрос № 13 «Ты способен решать свои проблемы без применения наркотиков и/или алкоголя?» с отрицательным значением). Таким образом, несмотря на кажущуюся парадоксальность, фактор выразил одну из типичных характеристик старшеклассника (студента-первокурсника) с его реакциями эмансипации и группирования, оппозиционностью и стремлением найти авторитеты, ищущего себя и независимости от других и одновременно зависимого и растерянного. Молодой человек, пытающийся опираться на религиозность, авторитеты или семью, чувствует себя несамостоятельным, он явно ищет «мы» в противовес «я». Этим объясняется и попытки решать свои проблемы с помощью алкоголя и наркотиков, которые он употребляет в компании сверстников (также «мы»).

По данным исследований употребление наркотиков и алкоголя, бунтарские реакции являются основными способами совладания

со стрессом у старшеклассников. Неоднозначной является и роль семьи: для девушек именно семья дает важное чувство поддержки и единения, тогда как слишком сильное ощущение сплочения семьи понижает у юношей чувство собственной социальной компетентности. Общность ценностей также по-разному влияет на них в зависимости от того, чьи ценности – отца или матери – они разделяют. Например, разногласия с матерью подрывают их социальную компетентность. С другой стороны, разногласия с отцом, предоставляющие молодым людям возможность подвергнуть сомнению родственные связи, фактически усиливают их социальную компетентность. Потеря материнской поддержки может оказаться слишком большой угрозой, тогда как отцовское поведение в большей мере провоцирует независимость [11, с. 610]. Дж. Хилл предложил интересный подход к юношескому стремлению к независимости, определив автономию как саморегуляцию. Именно культурно обусловленное отсутствие такой автономии мы и видим в данном факторе [37, с. 15–27]. В кросс-культурном исследовании было показано, что российские юноши и девушки чаще используют социальную поддержку, по сравнению с американскими сверстниками [39]. И, хотя социальный стиль совидающего поведения трактуется как относящийся к продуктивному стилю, постоянное обращение к другим людям как внешним ресурсам говорит о социальной зависимости и незрелости субъекта и не способствует повышению их уровня жизнеспособности и социальной адаптации.

Фактор «Культура», занимающий второе место, показывает, что культура в ее нынешнем состоянии не обеспечивает исследуемой группе независимого, автономного поведения, способствующего формированию возможности выносить свои собственные суждения и регулировать свое поведение. Молодой человек, пытающийся опираться на религиозность, авторитеты или семью, чувствует себя не самостоятельным, он ищет «мы», в противовес «я». Этим объясняется и попытки решать свои проблемы с помощью алкоголя и наркотиков, которые он употребляет в компании сверстников. Культура не является защитным фактором для исследуемой группы испытуемых.

В 3 фактор «Общество» (7,348% объясняемой дисперсии) вошли вопросы о поддержке ненасильственных методов наказания в обществе и в семье, которые требовали особого пояснения с нашей стороны при проведении тестирования.

Во время структурированного интервью по итогам тестирования мы уточняли у ребят, почему они ответили на эти вопросы именно так, а не иначе. В результате мы можем отметить, что вопросы № 29 и 30:

«Твоя семья поддерживает применение ненасильственных методов к тому, кто совершил преступление?» и «Твое сообщество поддерживает применение ненасильственных методов к тому, кто совершил преступление?» – воспринимались ими сквозь призму отношения семьи и сообщества (под которым они понимали, в первую очередь, школу, другие социальные институты, в частности милицию и т. д.) непосредственно к ним самим. Интересно сочетание вопросов, вошедших в данный фактор: с одной стороны, вышеперечисленные вопросы и вопрос № 12 «Ты разговариваешь о своих чувствах с членами твоей семьи?»; с другой стороны – вопрос № 28 «Ты гордишься тем, что ты – россиянин?», причем с противоположным знаком.

На наш взгляд, этот фактор описывает процесс самоидентификации в изучаемой группе. Э. Эриксон, определяет задачу формирования идентичности как главный барьер, который юноши и девушки должны преодолеть, чтобы совершить успешный переход к взрослости [29]. Источниками их идентичности являются не только близкие люди (12 вопрос), но и более широкие социальные группы, чьи установки и идеалы они разделяют. Чтобы суметь принять эту идентичность, они должны чувствовать, что другие их понимают и любят. Как мы упоминали ранее, отвечая на вопросы № 29 и № 30, ребята воспринимали их сквозь призму отношения в семье и в обществе непосредственно к ним самим. Чувство, что к ним несправедливы, заставляет юношей и девушек обращаться к другим источникам идентичности. Для них становится необходимым обретение хотя бы внешних признаков идентификации (я – россиянин! – вопрос № 28). При этом происходит не столько поиск себя, сколько поиск гиперконформной среды, где они в итоге смогут обрести свое целостное и в какой-то мере самостоятельное Я [26, с. 82]. По мнению Э. Эриксона, там, где молодой человек не может идентифицировать себя с новыми ролями, предполагающими компетентность и творчество, его сознание становится идеологичным. Все вышесказанное поясняет появление в данном факторе вопроса № 28. Неспособность молодых людей найти свое место в жизни базируется на ролевой спутанности, соединяющейся с «застарелым чувством безнадежности». В этом случае девиации не становятся чем-то уникальным [29, с. 141–142]. К. Хорни видит главную причину молодежной девиантности в невротических потребностях личности, формирующихся на почве страхов ребенка, связанных с базальной тревогой, «ощущением одиночества и беспомощности перед лицом потенциально опасного мира» [25, с. 36–37]. К такому результату приводят проблемы, связанные с недостатками семейного и школьного воспитания и проявляющиеся в отсутствии толерант-

ности, агрессивности, неуважения к личности ребенка со стороны родителей и общества [23].

Прояснение образа «Я» часто происходит и деструктивными методами. Молодые люди могут становиться нетерпимыми и жесткими по отношению ко всем, кто отличается от них. Так возникает молодежный экстремизм. По мнению Э. Эриксона, такое поведение может стать временно необходимой защитой от чувства потери идентичности. «Социальным институтом, отвечающим за идентичность, является идеология» [29, с. 144–145]. Идентификация формируется в процессе социализации и может быть утрачена по двум основным причинам: в результате кардинальных психических изменений или в результате быстрых и значительных изменений окружающей социальной среды. Согласно теории аномии Э. Дюркгейма, синдром «антигероя», социальная дезорганизация, сопровождающаяся состоянием разрушенности и ослабленностью нормативной системы общества, которая вызывается резкими изменениями, приводит, с одной стороны, к социальному и культурному инфантилизму, а с другой – к прагматизму и социальной неадаптированности и к проявлениям противоправного или экстремистского характера [цит. по: 10]. При этом, по мнению Э. Эриксона, молодые люди ищут не только идеи, но и людей, которым они могли бы верить. Предыдущая стадия развития «завещала» «кризису идентичности» важную потребность в доверии себе и другим [29]. Не случайно в этот фактор вошел 12 вопрос: взрослый, который может с уважением относиться к желанию молодого человека быть независимым, не стремящийся поучать, способный понять его переживания, помогает ему лучше понять себя.

Таким образом, мы видим, что влияние общества может способствовать повышению жизнеспособности и уровню социальной адаптации молодых людей только в том случае, если они осознают отношение к ним как справедливое и уважительное.

В факторе 4 «*Влияние авторитарной, гиперопекающей семьи*» (7,142% объясняемой дисперсии) мы видим буквальное подтверждение ранее сказанного о ведущей роли потребности обособления от семьи (реакция эмансипации) в юношеском возрасте. Фактор описывает значимые отношения, от которых молодой человек в той или иной мере испытывает эмоциональную зависимость.

Положительный «полюс» этого фактора полностью относится к оценке семейных отношений, а отрицательный включает в себя отношения с друзьями, с социумом и с семьей. Такое распределение удивляет, если рассматривать данный фактор в свете позитивной роли семьи в их жизни, о чем обсуждалось в анализе факторной

нагрузке первого фактора. Но рассматриваемый фактор оценивает не просто влияние семьи, а семьи авторитарной, гиперопекающей и ее влияние на жизнеспособность и социализацию (вопросы № 6 «Ты чувствуешь, что твои/й родители/ль много знают о тебе?»; № 5 «Ты чувствуешь, что твои/й родители/ль следят за каждым твоим шагом?»; № 29 «Твоя семья поддерживает применение ненасильственных методов к тому, кто совершил преступление?» Последний вопрос имеет отрицательное значение). По мнению В. Н. Дружинина, социализация детей во все времена и у всех народов была единственной специфической функцией семьи, а другие ее функции были дополнительными и менялись на протяжении веков [7]. Какое же влияние на социализацию оказывает авторитарная, гиперопекающая семья? Согласно Д. Баумринд [32], при авторитарном стиле воспитания все решения принимаются родителями без учета мнений ребенка, который обязан подчиняться их воле. Самостоятельность ребенка строго ограничивается жестким контролем, выговорами, запретами и наказаниями, в том числе и физическими. Все попытки обрести независимость от таких родителей оказываются крайне фрустрирующими. Нагрузка 29 вопроса с отрицательным знаком в этом факторе указывает нам именно на такой стиль воспитания. Если взрослые резко ограничивают действия своих подростков, не считаются с их потребностями, часто порицают и негативно оценивают самостоятельность поведения – это может привести или к блокировке самостоятельности (чтобы не навлечь гнев свыше) или к саботажу как к бессознательной форме протеста («у меня не получается, сделай за меня») [26]. Д. Баумринд обнаружила, что дети авторитарных родителей отличаются замкнутостью и робостью, мало стремятся к независимости, обычно угрюмы, непритязательны и раздражительны. В юношеском возрасте это порождает конфликты и враждебность, такие ребята, особенно мальчики, могут чрезвычайно бурно реагировать на запрещающее и карающее поведение, в котором их растили, становятся агрессивными. Девочки чаще остаются пассивными и зависимыми [32]. Таким образом, результатом такого управления является рост сопротивления или зависимости. Обе эти крайности ослабляют процесс социализации. По данным Э. Маккоби, когда родители избирают силовые методы социализации, их дети с трудом развивают интернализированные нормы и механизмы контроля [42]. Взаимодействие с авторитарными родителями подавляет волю ребенка и не позволяет ему упражнять и совершенствовать социальные навыки, которые затем оказываются полезными при взаимодействии со сверстниками, что, как правило, не способствует их популярности

у сверстников (вопросы № 18 «Думаешь ли ты, что твои друзья всегда будут поддерживать тебя в трудных ситуациях?» и № 14 «У тебя есть чувство, что друзья тебя поддерживают?» – оба с отрицательным значением). Выросшие дети не могут простить ни воспитателям, ни обществу в целом такого воспитания. Как следствие – ощущение несправедливости и жестокости, проявленной по отношению к ним (вопросы № 19, 29 и 30 – все с отрицательным значением).

Властную, гиперопекающую семью как неблагополучную выделяют А. Е. Личко, В. С. Бартенский [12]. М. Раттер также указывает на жестокие ограничения и гиперопеку со стороны родителей как фактор, ведущий к подавленности и невротическим состояниям [21].

Таким образом, авторитарная, гиперопекающая семья не способствует повышению уровня жизнеспособности и социализации юношей и девушек.

Вопросы, входящие в фактор 5 «Социальные ценности и развитие Я-концепции» (6,653% объясненной дисперсии) позволяют нам увидеть, каким образом различные социальные ценности и восприятие молодого человека другими влияют на его Я-концепцию.

По пунктам теста, вошедшим в фактор, отмечается следующее: ни субъективное чувство принадлежности к большой группе «Я-россиянин», ни участие в организованной религиозной деятельности, ни употребление наркотиков и алкоголя не помогает молодым людям лучше понимать свои сильные стороны, чувствовать себя независимыми, самостоятельными, способными принимать ответственные решения. Выше говорилось о сложных моментах в процессе формирования идентичности у юношей и девушек. За этим стоят понятия, отражающие значимые личные установки человека по отношению к самому себе, способствующие формированию целостной Я-концепции. Как социальное окружение содействует формированию Я-концепции, так и Я-концепция, в свою очередь, влияет на социализацию. В процессе социализации меняющееся представление человека о самом себе служит в качестве буфера, смягчающего воздействие внешней среды. Когда Я-концепция укрепляется настолько, что начинает определять поведение молодого человека, тогда она становится фактором социализации в такой же степени, как и ее продуктом. Я-концепция выполняет как функцию самообвинения, так и функцию самопоощрения. Когда поведение человека согласуется с его Я-образом, он часто может обходиться и без одобрения со стороны окружающих: он доволен собой и ему не надо других поощрений [11, с. 138–140].

В юношеском возрасте Я-концепции только формируется, поэтому восприятие их другими (родители, сверстники и т. д.) оказывает зна-

чительное влияние на этот процесс, ранее мы уже говорили об особенностях этого влияния. Позитивная корреляция между вопросом № 19 «Справедливо ли с тобой обращаются в твоём сообществе?» и вопросом № 21 «Ты знаешь, свои сильные стороны?» показывает, насколько важно для формирования позитивного отношения к себе и знания своих сильных сторон, делающих молодого человека более жизнеспособным, понимание, что к тебе справедливо относятся.

Выводы

Жизнеспособность юношей и девушек определяется средовыми влияниями взаимоотношений, культуры и общества и описывается с помощью пяти первых факторов.

Позитивные взаимоотношения в семье и со сверстниками являются защитным фактором, оказывая положительное воздействие на личность молодого человека, и способствуют развитию у него жизнеспособности и социализации. При этом авторитарная, гиперопекающая семья не способствует повышению жизнеспособности и социализации юношей и девушек и является фактором риска.

Культура как фактор жизнеспособности выходит на второе место в группе испытуемых и, оказывая средовое влияние на молодых людей, не обеспечивает им независимости, автономности, которые способствовали бы формированию умения выносить свои собственные суждения и регулированию своего поведения. Молодой человек, пытающийся опираться на религиозность, авторитеты или семью, не чувствует себя самостоятельным, что объясняет попытки решать свои проблемы с помощью алкоголя и наркотиков, которые он употребляет в компании сверстников. Культура не является в полной мере защитным фактором для исследуемой группы испытуемых.

Фактор «Общество» показывает, что ни субъективное чувство принадлежности к большой группе, ни участие в организованной религиозной деятельности не помогает молодым людям лучше понимать свои сильные стороны и не является фактором жизнеспособности. Для формирования самоидентичности молодой человек должен чувствовать, что другие его понимают и любят, что семья и общество справедливы к нему. Чувство, что к ним несправедливы, порождает ощущение одиночества и беспомощности, формирующие базальную тревогу, и являются главной причиной молодежной девиантности. Все это заставляет их обращаться к другим источникам идентичности, способствуя возникновению экстремистских проявлений в среде молодежи. Общество является ресурсом и защитным компонентом

жизнеспособности для молодых людей только при условии уважительного, справедливого отношения к ним.

Литература

- 1 Ахиезер А. С. Жизнеспособность российского общества // *Общественные науки и современность*. 1996. №6. С. 58–66.
- 2 *Берталанфи Л.* Общая теория систем // *Системные исследования*. М., 1969.
- 3 *Богданов А. А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Экономика. 1989. Т. 1. С. 213–215.
- 4 *Ваништендаль С.* «Резильентность» или оправданные надежды. Раненный, но не побежденный. Женева: Vice, 1998.
- 5 *Выготский Л. С.* К вопросу о динамике детского характера. Собр. соч. Т. 5. М.: Педагогика, 1984.
- 6 *Гиппенрейтер Ю. Б.* Введение в общую психологию: Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- 7 *Дружинин В. Н.* Психология семьи. Екатеринбург, 2000.
- 8 *Ильинский И. М.* Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001.
- 9 *Иовчук Н. М., Северный А. А., Морозова Н. Б.* Детская социальная психиатрия для непсихиатров. СПб.: Питер, 2008.
- 10 *Клейберг Ю. А.* Психология девиантного поведения. М., 2003.
- 11 *Крайг Г.* Психология развития. СПб.: Питер, 2001.
- 12 *Личко А. Е., Бартенский В. С.* Подростковая наркология: Руководство. Л., 1991.
- 13 *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- 14 *Махнач А. В., Лактионова А. И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция. Психологическая адаптация и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 290–312.
- 15 *Медведев В. И.* Адаптация человека. СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003.
- 16 *Муздыбаев К.* Качество жизни населения Петербурга: 1990–2004 годы. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2005.
- 17 *Мэш Э., Вольф Д.* Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка. СПб.: Прайм-Евразнак, 2003.
- 18 *Назаретян А. П.* Векторы исторической эволюции // *Общественные науки и современность*. 1999. №2. С. 112–126.
- 19 *Психология подростка / Под ред. А. Реана.* СПб.: Прайм-Евразнак, 2003.

- 20 Разумовский О. С., Хазов М. Ю. Проблема жизнеспособности систем // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 1. С. 1–7.
- 21 Раттер М. Помощь трудным детям. М.: Апрель Пресс, Эксмо-Пресс, 1999.
- 22 Сироткина И. Е. Психопатология и политика: становление идей и практики психогигиены в России // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. <http://vivovoco.rsl.ru/vv/journal/viet/sirotk.htm>.
- 23 Социально-экономические и культурные права молодежи в СНГ и основные препятствия их реализации: Аналитический отчет. М.: Бюро ЮНЕСКО, 2005.
- 24 Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
- 25 Хорни К. Невроз и развитие личности. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. М.: Смысл, 1997. С. 36–37.
- 26 Шабанов Л. Ф. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность? Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.
- 27 Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М.–Л., 1939.
- 28 Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. М.: Академический Проект, 2005.
- 29 Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- 30 Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1975.
- 31 Ярцев Д. В. Социально-психологические особенности становления современного подростка // Журнал практического психолога. 1999. № 12. С. 8–18.
- 32 Baumrind D. New direction in socialization research. // American Psychologist. 1980. V. 35. P. 639–650.
- 33 Bronfenbrenner U. The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
- 34 Buri J. R., Louiselle P. A., Misukanis T. M., Mueller R. A. Effects of parental authoritarianism and authoritativeness on self-esteem. // Personality and Social Psychology Bulletin. 1988. V. 14. P. 271–282.
- 35 Dornbusch S. M., Ritter P. L., Leiderman P. H., Roberts D. F., Fraleigh M. J. The relation of parenting style to adolescent school performance // Child Development. 1987. V. 58. P. 1244–1257.
- 36 Fischer J. L., Sollie D. L., Morrow K. B. Social networks in male and female adolescents // Journal of Adolescent Research. 1986. V. 6. № 1. P. 1–14.
- 37 Hill J. P. Research on adolescents and their families: Past and prospect // Adolescent social behavior and health. New directions for child devel-

- opment / Ed. C. E. Irwin. San Francisco, CA: Jossey Bass. 1987. V. 37. P. 13–31.
- 38 International Project on Resilience. http://www.resilienceproject.org/index.cfm?fuseaction=text.&str_cmpid=155.
- 39 *Jose P. E., D'Anna C. A., Cafasso L. L.* et al. Stress and coping among Russian and American early adolescents // *Developmental Psychology*. 1998. V. 34. № 4. P. 757–769.
- 40 *Kazdin A. E., Kraemer H. C., Kessler R. C., Kupfer D. J., Offord D. R.* Contributions of risk-factor research to developmental psychopathology // *Clinical Psychology Review*. 1997. V. 17. №. 4. P. 375–406.
- 41 *Luthar S. S., Cicchetti D., Becker B.* The construct of resilience: a critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. V. 71. P. 543–562.
- 42 *Maccoby E. E.* Socialization and developmental change // *Child development*, 1984. V. 55. P. 317–328.
- 43 *Maddi S. R., Khoshaba D. M.* Hardiness and Mental Health // *J. of Personality Assessment*. 1994. V. 63. № 2. P. 265–274.
- 44 *Makhnach A. V., Laktionova A. I.* Social and cultural roots of Russian youth resilience: interventions by state, society, family // *Handbook for working with children and youth. Pathways to resilience across cultures and contexts* / Ed. M. Ungar. Thousands Oaks: Sage Publications, 2005. P. 371–386.
- 45 *Osofsky J. D., Thompson D.* Adaptive and maladaptive parenting: Perspectives on risk and protective factors // *Handbook of Early Childhood Intervention* / Eds J. P. Shonkoff, S. J. Meisels. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 54–75.
- 46 *Ross D. P., Lochhead C., Shillington E. R.* The Canadian Fact Book on Poverty. Ottawa: Canadian Council on Social Development, 1994.
- 47 *Seligman M. E. P.* Helplessness: on depression, development and death. San Francisco: Freeman, 1975.
- 48 *Shaw D. S., Winslow E. B., Flanagan C.* A prospective study of the effects of marital status and family relations on young children's adjustment among African American and European American families // *Child Development*. 1999. V. 70. P. 742–755.
- 49 *Ungar M.* A thicker description of resilience // *The International Journal of Narrative Therapy and Community Work*. 2005. № 3–4. P. 89–96.
- 50 *Vaillant G. E.* Mental Health. // *American Journal of Psychiatry*. 2003. V. 160. P. 1272–1284.
- 51 *Werner E. E.* Risk, resilience, and recovery: perspectives from the Kauai longitudinal study // *Development and psychopathology*. 1993. V. 5. P. 503–515.